

О. А. Гаврилова, М. В. Ходяков

**Санкт-Петербургский университет
в судьбе лидеров русского либерализма:
Ф. И. Родичев и В. Д. Набоков**

*Читатель, я даю совет:
Коль у тебя есть сын кадет,
То не стриги ты этому ребенку,
Как остальным, головку под гребенку...*

«Девочка Дума(сказка для маленьких детей)»,
В. В. Князев (1906 г.)

**Гаврилова Ольга
Александровна,**
*кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург)*

**Ходяков Михаил
Викторович,**
*доктор исторических
наук, профессор,
заведующий кафедрой
Новейшей истории
России,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург)*

В плеяде видных государственных и общественных деятелей России выпускники Санкт-Петербургского университета всегда занимали достойное место. Наиболее плодотворным в отношении подготовки студентов, ставших вскоре выдающимися политиками, являлся, на наш взгляд, конец XIX в. Именно в тот период университет закончили те, кто спустя непродолжительное время стали олицетворять собой политическую элиту государства. Об основных этапах жизненного пути лидеров социал-демократов, эсеров, кадетов (когда-то связанных с университетом) мы знаем немало. Огромное количество исследований посвящено эмигрантским годам бывших «вершителей человеческих судеб». Вместе с тем сегодня представляется необходимым более обстоятельно осветить процесс формирования мировоззрения будущих политиков, понять истоки их общественной активности.

В центре внимания авторов данной статьи молодые годы людей, имена которых неразрывно связаны с развитием в России на рубеже XIX–XX вв. идей либерализма – лидеров партии кадетов Федора Измайловича Родичева (1854–1933) и Владимира Дмитриевича Набокова (1870–1922). «Первым тенором» партии народной свободы, «Русским Мирабо» называли Ф. И. Родичева.

«Поборником идей права и справедливости», «писателем-рыцарем», «благородным борцом за право, свободу и равенство» именовали В. Д. Набокова.

В 1929 г. эмигрантская общественность поздравляла с 75-летием крупного политика революционной поры, блестящего думского оратора Ф. И. Родичева¹. В словах известного деятеля революционного движения, «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской отразились неподдельное уважение и искренняя симпатия к этому человеку, положившему свою жизнь и карьеру на алтарь «свободы русской»: «Поклон, и привет, и благодарность за то, что целых полвека она знала и почитала дорогое имя Российского гражданина, верного слугу правды и долга Федора Родичева... Славное имя гражданина есть самое ценное, чем могут обладать соотечественники, ибо дар этот не только неоценен, но он в то же время есть дар нетленный. Ни ржа, ни моль не коснутся его, и самые отдаленные потомки могут гордиться и наслаждаться своим сокровищем»².

Ф. И. Родичев родился 9 февраля 1854 г. Его семья принадлежала к древнему дворянскому роду, внесенному в шестую (древнейшую) часть дворянской родословной книги Тверской губернии³. Родичевы немало послужили на благо российского государства. Дед Дмитрий Иванович участвовал в походах и сражениях против французских войск и закончил службу в 1811 г. в звании капитана Лейб-гвардии Семеновского полка. Отец Измаил Дмитриевич закончил Павловский кадетский корпус, служил в Гренадерском Саперном батальоне и ушел в отставку по болезни в чине поручика.

Мать Ф. И. Родичева, София Николаевна Ушакова, выросла в известной семье. Ее дядя генерал Василий Аполлонович Ушаков — ветеран 1812 г., потерявший под Бородино ногу, упоминался в истории русской литературы⁴. Родной дед Федора Родичева Николай Аполлонович Ушаков был «по моде того времени» масоном, увлекался поэзией и посещал литературные салоны.

Когда Федору исполнилось шесть лет, для занятий с ним пригласили воспитательницу, «весьма просвещенную особу» Марию Евграфовну Павловскую, вышедшую впоследствии замуж за известного народника, издателя журнала «Русское Богатство» Н. К. Михайловского. Мария учила юного Родичева русскому языку, давала читать ему стихи Н. А. Некрасова и прививала народолюбивые идеи. В преклонном возрасте он вспоминал свою первую учительницу с особым чувством благодарности: «Она мне внушала демократические понятия о равенстве людей, и я эти внушения усваивал очень охотно и завидовал свободе крестьянских мальчишек, мечтая о равенстве с ними в правах и свободе»⁵.

Домашнее обучение продолжалось недолго, и уже в 1863 г. Родичев оказался в Санкт-Петербурге в пансионе Гирса, располагавшемся на Васильевском острове, а затем, в 1866 г., был определен в седьмую реальную гимназию. В памяти Ф. И. педагоги этого учебного заведения остались людьми яркими, талантливыми, профессиональными, полными спокойной твердости и мудрого снисхождения. Особенно отмечал директора В. Ф. Эвальда, в заслугу

которому ставил «гуманизм, пронизавший всю жизнь гимназии»⁶. Именно он, будучи по специальности историком, настойчиво советовал реалистам продолжать обучение в университете и «по утрам давал уроки латинского языка» для желающих. Как раз с этим предметом у Ф. И. Родичева чуть не вышел конфуз на выпускном экзамене, который ему пришлось сдавать самому министру народного просвещения графу Д. А. Толстому. Латынь Родичев, по собственному признанию, знал неважно и боялся запутаться, но и граф оказался в ней «не Бог знает как тверд», и испытание завершилось успешно⁷.

Ф. И. Родичев получил свидетельство об окончании гимназии в 1870 г. По решению педагогического совета он был «признан достойным похвального аттестата», а «за благонравное поведение и отличные успехи в науках» награжден золотой медалью⁸. Федор последовал совету своего педагога и, пробыв год вольнослушателем Петербургского университета, был зачислен на второй курс физико-математического факультета, разряда естественных наук.

Во второй половине XIX в. физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета блистал именами ученых, научные достижения которых оставили заметный след в истории русской и мировой науки. В те годы он являлся одним из крупнейших в стране центров естествознания. Среди выдающихся профессоров, представляющих биологическую науку в университете 60-х — 90-х гг. XIX в., особо следует отметить имена А. Н. Бекетова, А. С. Фаминцына, И. И. Мечникова, А. О. Ковалевского, П. Ф. Лесгафта, В. В. Докучаева и др. На химических кафедрах в это время работали замечательные ученые-химики Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров. Последних Родичев вспоминал как людей «широких обобщений, огромного знания, оригинального ума, прокладывающих новые пути в науке, энергических работников, увлекавших студентов, побуждавших их к самостоятельному труду»⁹. В своих заметках уже в эмиграции он дал яркие характеристики особенно запомнившимся преподавателям. Так, он отметил профессора анатомии и физиологии человека Ф. В. Овсянникова, соратника Мечникова, отличавшегося «необыкновенным добродушием и бесконечной снисходительностью по отношению к студентам»¹⁰. Писал о его ассистенте «пресмешном Баксте», про которого студенты не знали, что он был близок А. И. Герцену, но очень ценили его «фигуру и приемы, возбуждавшие веселость».

Появился на страницах воспоминаний Родичева своеобразный антигерой петербургского студенчества 1870-х гг. — известный физиолог И. Ф. Цион, назначенный в университет экстраординарным профессором по кафедре анатомии¹¹. Ф.И. довольно язвительно писал по этому поводу: «Ему предшествовала громкая слава: “Это он открыл новый нерв”. Не знаю, удержалось ли это название в науке до сих пор. Сам Цион не удержался в науке, а кончил жизнь в Париже — претендентом на биржевые роли... К преподаванию Овсянникова он отнесся с великим пренебрежением, особенно к его слабости ставить студентам пятерки. “Я вам не Овсянников”, грозил Цион перед экзаменом. “У меня фуксом не проскочите”. Помнится, все было хвастовством. Преподавание его было неинтересным. Завел он только

непрерывные упражнения в вивисекции, где отличались его ассистенты. Мой друг Василий Великий... и высокий худой студент Павлов-младший, ныне притесняемый большевиками неведомо за что, академик И. П. Павлов»¹².

Чем жила тогда столичная студенческая молодежь, какие цели ставила перед собой? Известный ботаник А. Н. Бекетов, во время обучения Родичева декан физико-математического факультета, а впоследствии ректор университета, давая характеристику петербургских студентов 1870-х гг., писал: «В каждом университете есть несколько идеалистов, которые полагают возможным применить свои знания к непосредственной действительности... Меньшинство, о котором идет речь, превосходно сознает, что нельзя одновременно заниматься науками и какими бы то ни было общественными делами. Оно сознает также,

особенно в наше время, что высшая обязанность студента перед народом заключается в выработке в себе гражданской и общественной доблести, в приобретении знания и привычки к труду...»¹³ Родичев в конце жизненного пути считал, что политические гонения и процессы 70-х гг. отбили у этого поколения способность к идейному увлечению, сломали многим жизнь, надолго вывели их из участия в общественной жизни. В очерке об университете он писал: «Это поколение искало новых форм жизни. Они отреклись от старых чувств, но старые чувства жили в них. Молодое поколение жило особенными своими интересами, интересами нового общественного строя, подымавшегося к другой жизни, более широкой и светлой, из нравов темного царства семинарии и бурсы. Мои товарищи по университету делились на два слоя — гимназистов и семинаристов. Гимназисты были образованнее, семинаристы трудолюбивее. Политической разницы между ними не было: все или почти все были народолюбивы. Все были свободомыслящими, но семинаристы искали новой жизни, искали решения вопроса, рецепта, что делать... Все были социалистами, нигилисты носили длинные волосы. Прошло десять лет — остриглись волосы, завелись крахмальные рубашки, начали делать карьеру...»¹⁴

Галерея здания 12 коллегий (1898 г.)

Основательная гимназическая подготовка, хорошие способности к наукам, отмечаемые его учителями, а также великолепная память должны были способствовать серьезному отношению Ф. Родичева к обучению в университете. Однако у науки появилась соперница — общественная деятельность, которая заявила свои права на петербургского студента-естественника. В 1872 г. Родичев оказался за границей. Эта поездка в Германию, Францию, а затем в Швейцарию стала определенно знаковой в его судьбе. Он познакомился с сочинениями А. И. Герцена и на склоне лет с трепетом вспоминал, как в Берлине купил сборник посмертных статей, на одном дыхании прочел все, что потом смог достать — «Тюрьма и ссылка», «Былое и Думы», письма... Прочитанное потрясло студента до глубины души: «То было для меня откровение свободного духа»¹⁵. Герцен на всю жизнь остался у Родичева любимым писателем (его дочь называла отца «герценистом», вспоминая, что после революции 1905 г. он основал в Петербурге кружок имени Герцена и добился разрешения властей читать о нем лекции, с которыми объездил почти все большие русские города, и читал с неизменным успехом).

А тогда, в начале 1870-х гг., Герцена уже не было в живых, и Родичев решил отдать дань памяти его другу и соратнику Н. П. Огареву. Оказавшись в Женеве, 18-летний юноша, борясь с застенчивостью, написал письмо с просьбой о встрече. Представляясь Огареву, он с нескрываемой гордостью отрекомендовался «Я – русский; студент Петербургского университета»¹⁶. Память об этом визите Родичев хранил всю жизнь. Много лет спустя он делился своими воспоминаниями с читателями эмигрантской прессы: «Не помню, как шла речь. Кажется, я свидетельствовал Огареву, что его помнят и любят в России... Но помню, что через несколько минут у него были слезы на глазах и у меня, конечно, тоже»¹⁷. Это событие побудило молодого человека по возвращении в Петербург представить ректору прошение о переводе его на третий курс юридического факультета с обязательством сдать все переходные экзамены. Однако его ходатайство было отклонено.

Формальный отказ не мог, с одной стороны, запретить пытливному к знаниям студенту посещать занятия на юридическом факультете, а с другой, — попытаться увлечь своих однокашников идеями, почерпнутыми у Герцена. Возможно, уже тогда Родичев внутренне решил посвятить свою жизнь общественному служению. В воспоминаниях он писал: «Я стал проповедовать Герцена своим товарищам направо и налево. Увы, оказалось, его молодежь того времени просто не знала, да, пожалуй, и не хотела знать. И Герцен не увлекал, потерял свою власть над умами юношества»¹⁸.

Юридический факультет Петербургского университета в 1870-х гг. также блистал цветением крупных ученых. Во главе его стоял П. Г. Редкин, читавший историю философии права и энциклопедию права. Декан, по признанию Ф. И. Родичева, считался грозой студентов, и экзаменатором был беспощадным. Однако он снискал себе почтение слушателей тем, что на кафедре проявлял «апостольское одушевление». Родичев в своих заметках о

годах, проведенных в университете, подчеркивал увлечение, с которым Редкин читал диалоги Платона: «Помню ранним утром конец его лекции о Сократе — “ибо тот не философ, кто не готов умереть за свои убеждения”»¹⁹. Также Ф. И. Родичев вспоминал Н. С. Таганцева, занимавшего в то время кафедру уголовного права, молодого, оживленного и, по его словам, неустанного критика старого уложения. Не обошел вниманием В. И. Сергеевича. Глубокий ученый, блестящий лектор, по мнению Родичева, «тогда еще не сделавшийся столпом полицейского подтягивания студентов, еще не обозлившийся на самого себя за перемену курса по реакционному ветру, уяснял древнюю Россию, давал слушателям осязать здоровые начатки свободного развития вечевой Руси, еще не захваченной в азиатское рабство»²⁰.

Самое сильное и определяющее влияние на молодого Родичева оказали лекции по государственному праву известного ученого-юриста, приверженца государственной теории профессора А. Д. Градовского. Родичев был не одинок в восторженном отношении к Градовскому. Воспоминания его слушателей и учеников свидетельствуют о неотразимом влиянии его как преподавателя на студенчество. Искание идеалов довольно тесно связывало профессора Градовского с учащейся молодежью, посетителями его аудитории. Несмотря на то, что он был очень требователен, строг и порою желчен, студенты любили его, угадывая в нем, с обычной чуткостью молодежи, прекрасное, полное любви сердце. А твердое убеждение профессора, что изучение общественных наук должно быть преддверием ко всякой общественной деятельности, привлекало в аудиторию всех восторженных юношей, мечтавших служить на благо русскому государству²¹. Градовский призывал их посвятить себя науке, стать российской интеллигенцией, участвующей в преобразовании страны, работающей в земстве²².

Каникулы 1873 г. Родичев провел за границей. Продолженное знакомство с Огаревым и новые встречи с революционерами-эмигрантами повлекли за собой переписку. Эпистолярное

**Зал Петра Великого
в здании 12 коллегий**

наследие молодого Родичева дает нам возможность судить о проблемах, волновавших петербургскую студенческую молодежь. Он писал о появлении в руках студентов революционного журнала «Вперед!», издаваемого эмигрантами, и о том, что «все ждут живого слова, указания». Однако интерес юношества к политике жестоко карался, и шеф III Отделения «хватал», по выражению Родичева, разных студентов, заподозренных в хранении у себя и в распространении этого журнала. За судьбу Ф. И. Родичева тревожились его заграничные корреспонденты: «В России просто дошли до дикого бешенства — хватают всех ни за что, ни про что. Десятками ссылают по одному подозрению»²³. Волнения студенческой молодежи не проходили бесследно, и свободолюбивые мысли, приносимые политическими ветрами из-за границы вместе с нелегальными изданиями, и, вероятно, университетское окружение Родичева позволяли ему высказывать собственные чаяния о скорых изменениях, необходимых и должных, по его мнению, произойти в государстве. В своих письмах он уверял Огарева в необратимости грядущих перемен в российском обществе: «Не знаю — может быть, я ошибаюсь сильно и воображаю то, чего нет, — мне кажется, что у многих появляется весьма определенное недовольство и что оно начинает принимать деятельный характер. Я думаю, что так, как теперь, долго продолжаться не может и что все это лопнет и, может быть, скорее, чем ждут этого»²⁴.

Однако спустя многие десятилетия, растеряв юношеский максимализм, Родичев характеризовал обстановку той поры в университете следующим образом: «Я застал университет едва еще оправившимся от наследства волнений 68–69 гг. Русская молодежь моего времени относилась пренебрежительно к вопросу свободы, она освобождалась от крепостнической, сословной традиции социализмом, народничеством, мистическим преданием Чернышевского (читала “Что делать?”), неопределенным чаянием анархической революции.

Мне и тогда благо человека не представлялось возможным без свободы. Я никогда не пугался слова социализм, но всегда был противником социализма цезаристского, социализма крепостнического, всегда боялся грядущего рабства, которое просвечивало сквозь социалистические партии»²⁵.

Учеба в университете подходила к концу. Родичев, по собственному выражению, «засел дома» и готовился к экзаменам. В это же время он работал над статьей о крестьянских бунтах, а именно о Бездненском деле (1861), которую намеревался напечатать в женеvской революционной типографии при помощи своих старших товарищей-эмигрантов.

Завершение образования ставило на повестку дня вопрос о выборе дальнейшего пути. Диплом о присвоении Ф. И. Родичеву ученой степени кандидата естественных наук физико-математического факультета был получен им 25 января 1875 г., но в феврале того же года в письме к Огареву он делился своими сомнениями: «На этих днях кончаю свои дела в университете и сильно затрудняюсь, что с собой делать»²⁶. Он писал о своем желании отправиться за границу. И, несмотря на то, что в его дипломе большинство отметок были отлич-

ными, надо полагать, что ехать он хотел не для продолжения образования — там были его друзья и учителя, революционеры-эмигранты, воля и возможность свободно говорить о царивших в России порядках.

После окончания университета Родичев должен был отбыть воинскую повинность. Он писал Огареву: «Жду, что скоро лоб забреют. Этой судьбы я, впрочем, не очень боюсь и даже вовсе не прочь, лишь бы только офицеры не дрались»²⁷. Летом 1875 г. Родичев оказался в рядах русской армии во 2-й Артиллерийской бригаде и закончил службу в чине фейерверкера.

Затем он вернулся в университет и решил сдавать экзамены по юридическому факультету. В личном деле студента Родичева сохранилось свидетельство от 10 июня 1876 г., подтверждающее, что он «выдержал в мае сего года испытания на степень кандидата административных наук юридического факультета и если представит в установленный срок диссертацию и таковая будет одобрена юридическим факультетом, то будет утвержден в оной степени Советом университета»²⁸. Неизвестно, была ли представлена диссертация, но в воспоминаниях о нем другой универсант П. Б. Струве упоминает о предложении «остаться при университете», от которого Федор отказался²⁹.

В это время на Балканах разгоралась борьба славянских народов против турецкого владычества. Пока в дипломатических кругах решался вопрос о вступлении России в войну против Турции, российская молодежь записывалась в ряды волонтеров и добровольно отправлялась в Сербию воевать за свободу славянских братьев. Среди них оказался и Родичев. В таком поступке вчерашнего студента четко прослеживается непосредственное влияние его университетского преподавателя А. Д. Градовского. В середине 1870-х гг. в статьях и фельетонах по насущным вопросам мировой политики он выступал за активную помощь в борьбе славянских народов против турецкого ига, призывая поначалу к моральной и материальной поддержке братьев-славян, но вскоре уже требуя энергичного вмешательства, поскольку на Балканах затронуты кровные интересы России.

Родичев же воевал в Сербии «за свободу», считая, что дело свободы славянской есть дело свободы русской. «Это слово — свобода — всегда звучало для него повелительным призывом, — писала в биографическом очерке о нем соратница по конституционно-демократической партии А. Тыркова-Вильямс. — С этого пленительного и ядовитого, неуловимого

Ф. И. Родичев

и властного слова — “свобода” — началась его общественная деятельность. Свобода стала содержанием, красотой, пафосом всей его жизни»³⁰.

В своей автобиографии Федор Измайлович вспоминал о том, как призывал студентов стать волонтерами, указывая на пример молодежи 18-го столетия, участвовавшей в освободительной войне в Америке. «Вспомните Лафайета, Костюшко...» — “Очень хорошо!” — говорил профессор Горчаков. — “Но зачем же Костюшко поминать?!”»³¹ Участвуя в боевых действиях, Родичев был ранен осколком дерева в нос, «не опасно, но потерял много крови».

Еще до того как он добровольцем отправился на войну, Ф. И. Родичев принял решение посвятить свою жизнь общественному служению. Собираясь на родину, в Тверскую губернию, Родичев писал Огареву: «Хочу пристроиться к земству. Не подумайте, ради Христа, чтобы я записался в число тех сеятелей и деятелей, которые болтают в земских собраниях и в буфете за рюмкой очищенной проповедуют о необходимости конституции. Я иду в земство потому, что вижу тут, во-первых, деятельность, практически полезную для народа, ибо всегда отрицал и отрицаю формулу “чем хуже — тем лучше”, только там мы, люди, родившиеся в привилегированной Руси, можем приобрести доверие народа, можем добиться понимания наших стремлений»³². Надеясь на то, что лучшие представители земства в союзе со столичной интеллигенцией и с «пропагандистами, идущими в народ», смогут свергнуть деспотизм, он с некоторым юношеским бахвальством восклицал: «Ну, что, Николай Платонович, — дольше, как на десять лет, ведь царения русского не хватит, а доживем, даст бог, и раньше»³³.

Итак, в 1876 г., 22 лет от роду, по возвращении с полей сражений в родной Весьегонский уезд Тверской губернии, при активном содействии своих друзей и единомышленников, Ф. И. Родичев был избран мировым судьей. В том же году он стал уездным предводителем дворянства и губернским гласным. Как отмечал П. Б. Струве, Родичев «погрузился в общественную работу, сделавшую его деревенским жителем, сельским хозяином, земцем и поставившую его лицом к лицу с русским северным крестьянством»³⁴. Именно здесь он прошел подготовку к той будущей роли российского парламентария, радеющего не только за процветание своего уезда, но за благоденствие всей России. Здесь же завязывались дружески-профессиональные связи будущих лидеров либерального движения. Известный общественный и государственный деятель, выпускник юридического факультета Петербургского университета князь Д. И. Шаховской, вспоминая свой весьегонский период, считал знакомство с тверскими земцами и «в числе с такими крупными величинами, как братья Бакунины, братья Петрункевичи и братья Корсаковы» подарком судьбы³⁵. Также и Родичев, оказавшись среди такого замечательного окружения, смог не только оправдать доверие, оказанное ему старшими коллегами, но и занять ведущее место в этой «братской» компании.

Заметную роль в жизни российского государства выпало сыграть и другому выпускнику Санкт-Петербургского университета, В. Д. Набокову³⁶. Одним из видных деятелей, ко-

торых дал стране род Набоковых, был Дмитрий Николаевич Набоков – министр юстиции в правительстве Александра II и в начальный период царствования Александра III. В семье Дмитрия Николаевича и его жены Марии Фердинандовны, урожденной баронессы Корф, было девять человек детей. Седьмым по счету 8 июля 1870 г. родился Владимир. Произошло это в Царском Селе. 25 июля в церкви Лейб-гвардии стрелкового Его Величества батальона мальчик был крещен. Восприемниками при этом являлись отставной Статский Советник Николай Александрович Набоков и фрейлина «Ея Величества» Вера Ивановна Набокова³⁷.

Владимир прошел курс домашнего обучения с учителями и наставниками. Его воспитание было окрашено английским влиянием, что позже давало повод людям, знавшим В. Д. Набокова, называть его «блестящим англоманом». Осенью 1883 г. в тринадцатилетнем возрасте он был определен в пятый класс третьей Санкт-Петербургской гимназии, которая с момента своего открытия в 1823 г.³⁸ «состояла под общим ведением Университетского Правления»³⁹. Традиционно принято считать, что В. Набоков учился в гимназии отлично. Об этом свидетельствуют и результаты итоговых экзаменов. На момент окончания гимназии весной 1887 г. в его аттестате стояло только две оценки «хорошо» — по греческому языку и математике. В мае 1887 г. на выпускных экзаменах-«испытаниях» В. Набоков получил оценку «5» по всем предметам. Педагогический совет гимназии, принимая во внимание «отличные успехи в науках», постановил наградить Владимира Набокова золотой медалью, отметив при этом его особые успехи в области изучения истории⁴⁰. Однако в воспоминаниях о гимназических годах, опубликованных в Берлине в 1922 г., Набоков откровенно признавал, что «был очень плохим математиком, и при общей оценке моих успехов, педагогический совет “посмотрел сквозь пальцы” на мое прошлое в этой области»⁴¹.

Более того, В. Набоков рисовал «безотрадную картину» своего пребывания в гимназии, которое в значительной мере отравлял учитель латыни А. А. Кеммерлинг — «безумное и нелепое явление», представлявшее собой «вид взбесившейся обезьяны». Но даже не «неистовое бешенство» преподавателя, а его педагогическая система спустя десятилетия вспоминались Набокову. На глазах у всевозможных официальных инстанций (окружной инспектор, директор, педагогический совет) этот «полоумный деспот производил свои дурацкие эксперименты, вколачивая вместе со своей нищенской латынью глубокую ненависть и отвращение к ней, засушивая наши мозги, убивая в нас всякий интерес к классической древности, которая для нас превращалась в источник вечных страданий и ежедневного страха»⁴². Закончив гимназию, В. Набоков был твердо убежден в необходимости поиска «других источников для удовлетворения своей жажды к образованию».

Если старшие братья В. Д. Набокова (Дмитрий и Сергей) учились в привилегированном училище правоведения, то Владимир выбрал Санкт-Петербургский университет. 29 июля 1887 г. потомственный дворянин В. Д. Набоков, сын члена Государственного Совета, Секретаря Действительного Тайного Советника, подал прошение на имя ректора университета

с просьбой принять его в число студентов юридического факультета. На момент поступления в университет подлинное метрическое свидетельство В. Д. Набокова находилось в канцелярии Пажеского корпуса. Став студентом, он был исключен из состава пажей Высочайшего Двора⁴³.

Поступив в университет, В. Д. Набоков в августе 1887 г. дал традиционную для студентов тех лет подписку в том, что во время своего пребывания в университете он обязуется «не только не принадлежать ни к какому тайному сообществу, но даже без разрешения на то, в каждом отдельном случае, ближайшего начальства, не вступать и в дозволенные зако-

В. Д. Набоков

ном общества, а также не участвовать ни в каком денежном сборе». В случае нарушения данного обещания студенты подвергались «немедленному удалению из заведения»⁴⁴. Уплатив 25 руб., положенные за обучение в осеннем полугодии 1887 г., В. Д. Набоков вступил в самостоятельную жизнь.

Среди профессоров, лекции которых в конце 1880-х гг. посещал студент Набоков, следует выделить декана юридического факультета В. И. Сергеевича (история русского права), Ф. Ф. Мартенса (международное право), Н. Л. Дювернуа (гражданское судопроизводство), Ю. Э. Янсона (статистика). Ближе других В. Д. Набоков познакомится впоследствии с профессором И. Я. Фойницким. На юридическом факультете он читал студентам курсы «тюрьмоведение» и «уголовное судопроизводство». Возможность выбора лекций у студентов была в то время самой обширной. Так, в год окончания Владимиром Набоковым университета (1891) на юридическом факультете читалось в неделю 111 лекций⁴⁵.

Передовые профессора стремились применять новые методики преподавания, приближая свои дисциплины к жизни. В 1891 г. в университете по инициативе проф. И. Я. Фойницкого был образован «кабинет уголовного права». Незадолго до этого, в 1889 г., в Петербурге проходила международная пенитенциарная выставка. На ней демонстрировалось свыше 500 фотографий, планов, карт и моделей различных тюремных заведений, около 1000 предметов быта заключенных, а также «произведения их труда». Все эти экспонаты в конечном итоге были переданы в университет, заложив основу «кабинета уголовного права», который располагался в большом зале верхнего этажа здания физического кабинета.

Со студентами юридического факультета проводились и практические занятия. Некоторые из них носили весьма экстравагантный характер. Так, студент-второкурсник Владимир Набоков в 1888 г. побывал в знаменитой петербургской тюрьме «Кресты» в качестве... «участника ежегодной экспедиции с научной целью». Группу студентов возглавлял профессор И. Я. Фойницкий. Студенческая «экспедиция» начиналась с посещения Литовского замка, затем следовал осмотр дома предварительного заключения. Конечным пунктом марш-

рута были «Кресты», которые посещались студентами, как позже напишет В. Д. Набоков, с целью ознакомления с новой одиночной тюрьмой, выстроенной «по последнему слову науки». Действительно, в тот момент времени тюрьма была совершенно новая, «с иголочки». Студентов она поражала чистотой, светом и грандиозностью. Служащие с гордостью и удовольствием рассказывали о миллионах, потраченных на ее возведение. Под влиянием этих факторов ни у кого из тогдашних студентов университета не было ощущения, что они попали в «жилище муки и скорби». Напротив, В. Д. Набоков отмечал, что им казалось, будто перед ними «какая-то удивительная лаборатория, в которой с помощью самых усовершенствованных, гуманных и дорогих средств борются с преступностью, исправляя преступников». Одновременно некоторые студенты ощущали «гнетущее впечатление», производимое обитателями этой лаборатории. Одним из обязательных пунктов программы студенческой «экспедиции» по «Крестам» были просьбы молодых людей «запереть их на несколько минут в одну из пустых камер, для того, чтобы испытать, какое будет ощущение». Обыкновенно выходили потом с вздохом облегчения, хотя некоторые уверяли, что «сидеть, должно быть, вовсе не так неприятно»⁴⁶.

В университете Владимиром Набоковым был сделан и первый оппозиционный шаг. Несмотря на подписку «не вступать и в дозволенные законом общества», в марте 1890 г. Владимир Набоков принял участие в забастовке студентов. Сыну бывшего министра юстиции предоставили возможность покинуть своих товарищей, но из чувства солидарности с ними он отказался это сделать, оставшись вместе со всеми до конца забастовки. В тот момент инцидент не имел для Набокова сколько-нибудь серьезных последствий⁴⁷.

Годы учебы в университете пролетели незаметно. В 1891 г. Владимир Набоков в числе 164 студентов юридического факультета получил выпускное свидетельство. Вместе с ним закончили обучение: Петр Барк — будущий министр финансов России периода Первой мировой войны, барон Михаил Таубе, барон Георгий фон-дер Ропп, барон Александр Штакельберг и другие представители «золотой молодежи» России⁴⁸.

После окончания университета В.Д.Набоков отбыл краткую воинскую повинность. В форму он облачится вновь только в годы мировой войны. До этого кавалергард Набоков будет надевать свои полковые регалии только «ради праздничной шутки».

Вслед за этим В. Д. Набоков отправился в Германию, где в Галльском университете продолжил начатое в Петербурге изучение права. В 1894 г. он поступил на службу в Государственную канцелярию — «питомник» будущих сановников Российской Империи — и находился на службе в ней до 1899 г. Одновременно Владимир начал преподавать уголовное право в знаменитом Императорском училище правоведения, которое в 1888 г. окончили не только два его старших брата, но и отец — Дмитрий Николаевич Набоков (1845). Выпускниками прославленного заведения являлись также Г. С. и И. С. Аксаковы, композитор А. Н. Серов, почетный академик, художественный критик и историк искусства В. В. Стасов, будущий министр

внутренних дел А. Г. Булыгин, драматург, биограф своего знаменитого брата-композитора М. И. Чайковский и др.⁴⁹ В училище правоведения свою вступительную лекцию «Содержание и метод наук уголовного права» В. Д. Набоков прочитал 9 сентября 1896 г. Там коллежский асессор В. Д. Набоков оказался бок о бок со своими университетскими педагогами. Государственное и международное право читал заслуженный профессор, Тайный Советник Ф. Ф. Мартенс, а историю Российского законодательства — доктор государственного права, ординарный профессор, Статский Советник В. Н. Латкин. Кроме того, по кафедре уголовного права В. Д. Набоков набирался опыта у профессора, Сенатора, Действительного Тайного Советника Н. С. Таганцева, который считал Владимира Дмитриевича своим младшим коллегой.

В качестве преподавателя уголовного права училища правоведения В. Д. Набоков возглавлял группы юных правоведа, отправлявшиеся на ознакомление с исправительными колониями, домами предварительного заключения, «Крестами» и пересыльной тюрьмой. По рассказам старших братьев Владимира — Дмитрия и Сергея, — эти поездки до поры носили «самый откровенный характер». Молодежь нанимала многочисленные тройки, запасалась завтраками с большим количеством бутылок. «Начальство» принимало активное

участие в «пикниках». Естественно, что уголовно-юридические познания будущих служителей Фемиды от такого рода «экспедиций» выигрывали очень мало. В. Д. Набоков уже не застал этих поездок за город. Они были запрещены попечителем училища после одного случая, показавшего истинный характер «научных экспедиций». От старых традиций остался только обычай заканчивать поездки чинным обедом в ресторане с профессорами и администрацией⁵⁰.

В отличие от многих молодых людей своего круга, В. Д. Набоков не поддавался соблазнам вести исключительно светский образ жизни. Не прерывалась и его связь с университетом. С середины 1890-х гг. он являлся секретарем Юридического общества при С.-Петербургском университете. Общество было образовано в 1877 г. для раз-

Профессора Санкт-Петербургского университета: П. В. Никитин, Н. Л. Дювернуа и И. Я. Фойницкий

работки теоретических и практических вопросов права и распространения юридических знаний. Первым секретарем общества был И. Я. Фойницкий — один из университетских наставников В. Д. Набокова. Иван Яковлевич считался не только членом-учредителем общества, но и многолетним председателем его Уголовного отдела. 25 ноября 1894 г. В. Д. Набоков выступил с сообщением на заседании Отделения Юридического общества, которое называлось «Нищенство и бродяжничество как наказуемые проступки». Став секретарем общества, В. Д. Набоков в 1897 г. составил специальную инструкцию, в соответствии с которой было приведено в порядок делопроизводство и библиотека. Составленные им алфавитный указатель и подробный каталог указывали на наличие в библиотеке общества около 1000 томов литературы по правовым вопросам⁵¹. Свои связи с Юридическим обществом при Санкт-Петербургском университете он не прерывал и в последующие годы. Так, 3 декабря 1909 г. в уголовном отделении общества он выступил с докладом о месте и роли дуэлей в России начала XX в. Совершив экскурс в историю проблемы, В. Д. Набоков подчеркнул «возрастающее одичание», «прогрессирующее обесценение человеческой жизни» и «усиление ненависти на почве политической». Главный вывод Набокова-юриста заключался в необходимости борьбы с дуэлями, в ходе которой следует «сорвать мантию красивых слов и снять ореол якобы возвышенных мотивов с этого дикого и отвратительного обычая»⁵².

К тому времени В. Д. Набоков уже с головой ушел в политику, став одним из создателей конституционно-демократической партии и членом ее Центрального Комитета, издателем-редактором общественно-политического официального еженедельного журнала ЦК «Вестник партии народной свободы», одним из издателей главной партийной газеты «Речь». В 1906 г. В. Д. Набоков был избран членом российского парламента, а вслед за этим стал подписантом Выборгского воззвания, содержавшего призыв к пассивному сопротивлению властям. В декабре 1907 г. подписавшие Выборгское воззвание депутаты думы были приговорены к трехмесячному тюремному заключению. Среди них оказался и В. Д. Набоков.

14 мая 1908 г. он перешагнул порог «Крестов», как старый их знакомый. По собственному признанию, до этого момента он побывал в знаменитой тюрьме уже «раз 5 или 6» в качестве экскурсанта юридического факультета университета и преподавателя училища правоведения. За истекшие 15 лет тюрьма «пообносилась», но все же оставалась «образцовой». Из камеры, где помещался В. Д. Набоков, был хорошо виден купол над ротондой Таврического дворца. Это зрелище регулярно вызывало у него волнение, воспоминания о бурной работе членов Первой Государственной думы, а также мысли о том, что все труды народных избранников оказались напрасны, все усилия и работа пропали даром⁵³. В августе 1908 г., отбыв срок заключения, В. Д. Набоков вышел из тюрьмы, лишившись избирательных прав. Однако его политическая карьера в этот момент только начиналась.

В событиях Русской революции 1917 г. В. Д. Набоков принимал самое непосредственное участие — он стал управляющим делами Временного правительства и участвовал в организации

его деятельности, разрабатывал ряд важнейших законодательных актов. Среди них — отречение императора Николая II и великого князя Михаила Александровича, Положение о выборах в Учредительное собрание и т. д.

Убийство В. Д. Набокова, произошедшее в Берлине в марте 1922 г., вызвало поток телеграмм с соболезнованиями как от частных лиц, так и от многочисленных русских эмигрантских организаций. Среди них были выражения сочувствия от студенческих объединений в Праге и Берлине. Правление русского студенческого союза в Германии сообщало о «глубоком потрясении» в связи с «кошмарным и подлым убийством уважаемого Владимира Дмитриевича», добавляя при этом, что русское студенчество «потеряло лучшего друга». Сплошная стена из 200 венков на могиле В. Д. Набокова являлась лучшим признанием заслуг человека, которого многие именовали не иначе, как «Благородным рыцарем слова» и «Благороднейшим поборником идей права и справедливости»⁵⁴.

Не вызывает сомнения тот факт, что значительная часть личностных и профессиональных качеств выдающихся деятелей своего времени — Ф. И. Родичева и В. Д. Набокова была заложена в них и сформировалась в молодые, в том числе в студенческие, годы. Они вошли в историю России как яркие и неординарные политики, имевшие собственную точку зрения на ключевые общественно-политические события своего времени, и всегда стремившиеся ее отстаивать, несмотря на часто меняющуюся политическую конъюнктуру.

¹ Подробнее об этапах жизнедеятельности Ф. И. Родичева см.: *Антохина Е. А.* Общественно-политическая деятельность Ф. И. Родичева: Автореф. дисс. ... к. и. н. Орел, 2005; *Гаврилова О. А.* «Российский Мирабо»: Ф. И. Родичев — депутат четырех Государственных дум // *Ленинградский юридический журнал*. 2005. № 3. С. 115–128.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 158. Л. 13.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 2039. Л. 94.

⁴ См.: Ушаков, Василий Аполлонович // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. В 86 т. СПб., 1890–1907.

⁵ *Родичев Ф. И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 2.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 17163. Л. 1 об.

⁹ *Родичев Ф. И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ См.: Цион, Илья Фаддеич // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. В 86 т. СПб., 1890–1907.

¹² *Родичев Ф. И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 8.

¹³ *Бекетов А. Н.* Характеристика студентов, особенно петербургских. СПб., 1877.

- ¹⁴ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 15.
- ¹⁵ Там же. С. 13.
- ¹⁶ Письма Ф. И. Родичева — Н. П. Огареву // Литературное наследство. Т. 62 (Герцен и Огарев). Ч. II. М., 1955. С. 506–516.
- ¹⁷ Родичев Ф. И. Автобиография // Возрождение. Тетрадь 31. Париж, 1954. С. 68.
- ¹⁸ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 15.
- ¹⁹ Там же. С. 8.
- ²⁰ Там же. С. 9.
- ²¹ Градовский А. Д. Собр. соч. Т. IX. СПб., 1904. С. СII.
- ²² Твардовская В. А. Александр Дмитриевич Градовский: научная и политическая карьера российского либерала // Отечественная история. 2001. № 2.
- ²³ Озеров — Огареву, 10 ноября 1974 г. // Литературное наследство. Т. 62 (Герцен и Огарев). М., 1955. С. 488.
- ²⁴ Родичев — Огареву, 10 марта 1974 г. // Там же. С. 508.
- ²⁵ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 12.
- ²⁶ Родичев — Огареву, 20 февраля 1875 г. // Литературное наследство. Т. 62 (Герцен и Огарев). М., 1955. С. 509.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 17163. Л. 46.
- ²⁹ Струве П. Б. Ф. И. Родичев и мои встречи с ним // Возрождение. Тетрадь 1. Париж, 1949. С. 43.
- ³⁰ Тыркова-Вильямс А. Ф. И. Родичев // Новый журнал. Т. 38. Нью-Йорк, 1954. С. 209.
- ³¹ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 25.
- ³² Родичев — Огареву, 31 мая 1876 г. // Литературное наследство. Т. 62 (Герцен и Огарев). М., 1955. С. 511.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Струве П. Б. Ф. И. Родичев и мои встречи с ним. С. 40.
- ³⁵ Шаховской Д. И. Автобиография. М., 1917. С. 86.
- ³⁶ Подробнее о роде Набоковых см.: Носик Б. М. Мир и Дар Набокова. Первая русская биография писателя. СПб., 2000; Старк В. Набоковы // Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000; Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы. Биография. М., 2001; Зверев А. Набоков. М., 2001; и др.
- ³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26159. Л. 5.
- ³⁸ История гимназии начинается в 1805 г., когда «из главного народного училища» выросла губернская Петербургская гимназия, которая некоторое время являлась конкурентом университета, отвлекая от него слушателей. С 1822 г. гимназия должна была быть «подготовительной к университету школой» и «рассадником казенных студентов». См.: С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. Пг., 1919. С. CI–CIII.
- ³⁹ Из истории б. Петербургской 3-й гимназии, ныне 13-й советской трудовой школы // За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 201.
- ⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26159. Л. 2 об.
- ⁴¹ Набоков В. Д. Петербургская гимназия сорок лет тому назад (страничка воспоминаний) // За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. С. 126.
- ⁴² Там же. С. 129–130.
- ⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26159. Л. 8–8 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 11–12.
- ⁴⁵ Там же. Л. 19–36 об.
- ⁴⁶ Набоков В. Тюремные досуги. СПб., 1908. С. 2.
- ⁴⁷ Носик Б. М. Мир и Дар Набокова. С. 19.

⁴⁸ См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1891 год. СПб., 1892. С. 77–79.

⁴⁹ Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1903–1904 год. СПб., 1903. С. X–XI; Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1904–1905 год. СПб., 1903. С. X–XI; *Сюзор Г.* Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения 1835–1910 гг. (Исторический очерк). СПб., 1910. С. 336–375, 476–477.

⁵⁰ *Набоков В.* Тюремные досуги. С. 2–3.

⁵¹ Устав юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1894. С. 3; Отчет по юридическому обществу при Императорском С.-Петербургском университете за 1897 год. СПб., 1898. 14–15; Отчет по юридическому обществу при Императорском С.-Петербургском университете за 1900 год. СПб., 1901. С. 2, 22.

⁵² *Набоков В. Д.* Дуэль и уголовный закон. СПб., 1910. С. 52.

⁵³ *Набоков В.* Тюремные досуги. С. 3, 13.

⁵⁴ Рувль. 1922. 18 (31) марта; Последние новости. 1922. 30 марта.

Gavrilova O. A., Khodjakov M. V. St. Petersburg University in the fate of the leaders of Russian liberalism: F. I. Rodichev and V. D. Nabokov.

ABSTRACT: Article is devoted to Fedor Rodichev and Vladimir Nabokov — outstanding graduates of the St. Petersburg University at the end of 19th century. On the basis of a wide range of sources, the authors describe the development outlook of future politicians, show the role of the University in their life and fate, reveal the origins of their public activity.

KEYWORDS: Saint-Petersburg University, F. I. Rodichev, V. D. Nabokov, Russian liberalism, law school

AUTHORS: *Gavrilova O. A.* — Ph. D. in History, Associate Professor, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); olga_gao@mail.ru | *Khodjakov M. V.* — Ph. D. in History, Professor, Head of the Modern history of Russia Department, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); khodjakov@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ *Antokhina E. A.* Obshhestvenno-politicheskaya deyatel'nost' F. I. Rodicheva: Avtoref. diss. ... k. i. n. Orel, 2005.
- ² *Gavrilova O. A.* «Rossijskij Mirabo»: F. I. Rodichev — deputat chety'rex Gosudarstvenny'x dum // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2005. N 3.
- ³ Russian Federation State Archive.
- ⁴ Russian State Historical Archive.
- ⁵ E`nciklopedicheskij slovar` F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. V 86 t. St.Petersburg, 1890–1907.
- ⁶ *Rodichev F. I.* Vospominaniya i ocherki o russkom liberalizme. Newtonville, 1983.
- ⁷ Saint-Petersburg Central State Historical Archive.
- ⁸ *Beketov A. N.* Karakteristika studentov, osobenno peterburgskix. St.Petersburg, 1877.
- ⁹ Literaturnoe nasledstvo. T. 62 (Gercen i Ogarev). Ch. II. Moscow, 1955.
- ¹⁰ *Rodichev F. I.* Avtobiografiya // Vozrozhdenie. Tetrad` 31. Paris, 1954.
- ¹¹ *Gradovskij A. D.* Sobr. soch. T. IX. St.Petersburg, 1904.

-
-
- ¹² *Tvardovskaya V. A. Aleksandr Dmitrievich Gradovskij: nauchnaya i politicheskaya kar'era rossijskogo liberala // Otechestvennaya istoriya. 2001. N 2.*
- ¹³ *Struve P. B. F. I. Rodichev i moi vstrechi s nim // Vozrozhdenie. Tetrad` 1. Paris, 1949.*
- ¹⁴ *Tyrkova-Williams A. F. I. Rodichev // Novy'j zhurnal. T. 38. New-York, 1954.*
- ¹⁵ *Shakhovskoj D. I. Avtobiografiya. Moscow, 1917.*
- ¹⁶ *Nosik B.M. Mir i Dar Nabokova. Pervaya russkaya biografiya pisatelya. St.Petersburg, 2000.*
- ¹⁷ *Stark V. Nabokovy' // Dvoryanskaya sem`ya. Iz istorii dvoryanskix familij Rossii. St.Petersburg, 2000.*
- ¹⁸ *Boyd B. Vladimir Nabokov: russkie gody'. Biografiya. Moscow, 2001.*
- ¹⁹ *Zverev A. Nabokov. Moscow, 2001.*
- ²⁰ *S.-Peterburgskij universitet v pervoe stoletie ego deyatel`nosti. Petrograd, 1919.*
- ²¹ *Iz istorii b. Peterburgskoj 3-j gimnazii, ny'ne 13-j sovetskoj trudovoj shkoly' // Za sto let. Vospominaniya, stat`i i materialy'. Petrograd, 1923.*
- ²² *Nabokov V. Tyuremny'e dosugi. St.Petersburg, 1908.*
- ²³ *Otchet o sostoyanii i deyatel`nosti Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1891 god. St.Petersburg, 1892.*
- ²⁴ *Pamyatnaya knizhka Imperatorskogo uchilishha pravovedeniya na uchebny'j 1903–1904 god. St.Petersburg, 1903.*
- ²⁵ *Pamyatnaya knizhka Imperatorskogo uchilishha pravovedeniya na uchebny'j 1904–1905 god. St.Petersburg, 1903.*
- ²⁶ *Syuzor G. Ko dnyu LXXV yubileya Imperatorskogo uchilishha pravovedeniya 1835–1910 gg. (Istoricheskij ocherk). SPb., 1910.*
- ²⁷ *Otchet po yuridicheskomu obshhestvu pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete za 1897 god. St.Petersburg, 1898.*
- ²⁸ *Nabokov V. D. Due`l` i ugolovny'j zakon. St.Petersburg, 1910.*
- ²⁹ *RuL. 1922. 18 (31) March.*
- ³⁰ *Poslednie novosti. 1922. 30 March.*